

ЗОЯ ПЕСТОВА

Поездка в Саров (лето 1915 года)

Любящим Бога все содействует ко благу!

(Рим. 8:28)

К святым, которые на земле,
к дивным Твоим — к ним все желание мое.

(Пс. 15:3)

Зоя Вениаминовна Пестова (в девичестве Бездетнова), супруга Николая Евграфовича Пестова, родилась в 1899 году, умерла в 1973-м. Эта книга — ее воспоминания, записки, составленные ею уже в старости. Записки дополнены и отредактированы дочерью З.В. Пестовой — Наталией Николаевной Соколовой.

Предисловие

Автор этой работы Зоя Вениаминовна Пестова (1899–1973) — личность выдающаяся. Она начала свой христианский путь в Русском студенческом христианском движении (РСХД) еще до революции, сотрудничала с известным его деятелем и христианским проповедником В. Ф. Марцинковским, о котором до конца дней своих сохранила теплые воспоминания, близко знала о. Алексия и о. Сергия Мечевых. В 20–30-х годах вместе со своим мужем, не менее замечательным человеком, Николаем Евграфовичем Пестовым, доктором химических наук, сохраняла свою православную веру, как и дух мечевской общины. Переживала обыски и аресты и помогала своему супругу, имевшему смелость не только держать в доме и размножать, но и щедро давать многочисленным друзьям дома и знакомым этих друзей христианскую литературу. Множество людей прошло через их дом: и будущие мученики, и еще молодой тогда о. Александр Мень, и будущие священнослужители, в том числе ставшие епископами РПЦ (например, архиепископ Мелитон), и миряне.

Их старший сын погиб на войне как достойный христианин (см. книгу Николая Евграфовича Пестова «Жизнь для вечности»). Их внуки стали священнослужителями.

Под конец жизни, так же как и в молодости, Зоя Вениаминовна не пропускала случая свидетельствовать о Христе людям (например, в виде экскурсии по выставке

картин Дрезденской галереи). А всего за две недели до своей кончины, стоя на паперти патриаршего Богоявленского собора, она проповедовала Истину случайно зашедшим в собор студентам, не ожидавшим сразу встретить в православном храме столь замечательную, духовную, душевную и образованную бабу.

Преставилась же она к Богу 15 ноября 1973 года.

Она прожила трудную и праведную жизнь. Она всегда была верна Богу во Христе и лучшим православным традициям. Кто знал ее и ее семью, тот счастлив, что приобщился к этому Православию, и неверным рабом уже быть не может. Она — связь поколений и времени.

Вечная ей память.

Г. К.

Детство

Бог заповедал: почитай отца и мать;

и: злословящий отца или мать смертью да умрет.

(Мф. 15:4)

Трудно мне писать воспоминания детства: горят передо мною эти слова! Не хочется вспоминать мое тяжелое детство, дела, слова и речи, которые сеялись в моей душе родителями, далеко тогда стоявшими от Церкви. Грехи родителей терзали мою детскую душу; я все знала, я все понимала в свои пятнадцать лет.

«А если бы не было такой обстановки дома, — сказал мне старец, — так ты бы и не ходила в монастырь, ты бы не прибегала к Богу, а вот с твоим горем-то ты и молилась».

Но в старости и перед смертью, пережив очень многое, родители мои каялись, пришли к Церкви и умерли православными.

Старец говорил: «А раз они каялись, то Господь им простил. Все прощено и забыто. И вы должны все-все

забыть и простить, раз Церковь их приняла. Ведь могло быть, что они бы не покаялись. Значит, и вам все забыть, все простить надо».

Все прощаю, все хочу забыть, молюсь о них, взывая к Богу: да успокоит Господь души их! Если невольно в моих записках будет осуждение, то только потому, что я пишу правду, что иначе написать нельзя.

Отец часто рассказывал мне, что, когда мне было три года, я болела скарлатиной и надежды на выздоровление не было. Папа пришел ко всенощной 6 декабря (19-го по новому стилю) на день святителя Николая и, встав перед иконой, плакал навзрыд, вымаливая мне жизнь. «Если бы ты только видела, как я просил Николая-угодника оставить мне тебя!» — говорил отец, и всегда со слезами.

В спальней комнате у отца висела икона, но я не видела отца молящимся. Хотя бывало, он посылал меня подать «за упокой» своих родных, давал мне на свечи и на нищих, прислушивался к снам, принимал «со святыми» приходского священника, в пост на первой, четвертой и седьмой неделе не было мясных блюд. Так что назвать моего отца неверующим нельзя.

Вот одно его стихотворение, посвященное мне:

Ночью захожу я в комнату твою
Посмотреть, как спит дочурка дорогая,
А потом я встану на колени, горячо молю:
«Сохрани ей жизнь, о Матерь Пресвятая!
Ты вложи ей в душу благородство,
К людям состраданье,
Укрепи в ней разум, дай ей справедливость.
Вот мое желание, вот моя молитва,
Ты услышь, Владычица, окажи мне милость!»

Отец был с двух лет сиротой, воспитывался в пансионе. Он сам рос не в семье и, создав свою семью, тяготился

Детство Зои Бездетной прошло в Угличе. Фото из семейного альбома: Уglich в 1917 году

потом ею. Только первые годы они жили хорошо, а это я мало помню, но все же эти малые воспоминания согревают душу.

Помню, как мы с родителями в огромной лодке весело плывем по Волге до местечка, называемого Улейма. С нами еще одна большая семья с детьми, прислугой. Погода — великолепная: светит солнце, поют птицы, летняя природа сияет во всей своей нетронутой красоте. Лодка пристает к берегу, и все радостно наслаждаются гулянием в тишине леса. Прислуга разжигает самовар, готовит пикник из привезенных с собою продуктов.

И вот мы все уже вокруг богато уставленного стола, нас фотографируют. Этот снимок я берегла всю жизнь, показывала его своим друзьям, детям и внукам, говоря им: «В начале нашего века, когда я была еще младенцем, были и у нас в семье годы счастья и радости. Смотрите, как мы все прекрасно и скромно одеты: девочки — в белых длинных платьицах, мужчины — в пиджаках, несмотря на лето, ибо снять сюртук в обществе дамы считалось неприличным. А дамы — в огромных шляпах с цветами, пышных платьях с длинными рукавами... Даже прислуга — в фартуках

Пикник на Дивной горе. Зоя – вторая слева, крайний слева – ее папа Вениамин Федорович, мама Мария Георгиевна – крайняя справа.
1906 год

с кружевом, в лентах и бантах. Все богато, но скромно, пристойно. Нельзя было иначе. Ни пьянства, ни грубых шуток, ни песен диких, ни жестов вольных. Да, все держали себя, как будто ходили пред лицом Господа».

Про Бога забыли! Поэтому недолго сияло наше счастье. Враг рода человеческого не дремал. Надо усердно молиться, защищая свое счастье от козней вражеских. А кто не стоит на страже своей души, не призывает ежедневно, ежечасно на помощь силу Божию, на тех, как темная туча, находят всевозможные искушения.

Пресвятая Богородица защитит тех, кто к Ней обращается. В молитвах к Ней есть такие слова: «Радуйся, всех искушений, от мира, плоти и дьявола находящихся, посприание!»

Но, видно, мало у нас молились. Нас, детей, никто не научил еще молиться. Пошли в семье раздоры,

неудовольствия, слезы. В чем было дело — младенцы не понимали, но горе у нас было налицо: мать наша, Мария Георгиевна, уезжала от семьи надолго, желая быть в финансовом отношении самостоятельной и независимой от мужа. Она решила выучиться на врача и завести свой зубо-врачебный кабинет. Отец наш ее не отпускал, сказав, что не даст ей на это денег, а в дальнейшем не будет обеспечивать жизнь супруги в Москве, куда наша мать решила уехать на два-три года.

Однако мама не послушалась и уехала. Детское горе не поддается описанию! Хотя была у нас в доме и прислуга, и нянька, и горничная, но... без хозяйки в доме мы все осиротели. Любимой нашей игрой стали «горюны».

Горюны

Коле — три года. Мы садились рядом на диван и, прижавшись друг к другу, начинали поочередно изливать свою детскую скорбь в коротких фразах:

— Бедные мы детки, одни мы остались!

— Уехала наша мамочка!

— Нам так скучно без мамы!

— Никто нас не пожалеет!

— Никто нас не целует, не ласкает!

— Никому-то мы не нужны!

— Папу мы почти не видим!

— Папа приходит поздно, усталый!

— Нет мамы — не с кем поговорить!

Сидим так — и причитаем, и плачем. Доведем себя до горьких слез, обнимемся и рыдаем.

Но вот пришло от мамы письмо. Рая уже читала по складам, письмо было на ее имя. Сестра прочла:

— «Дети, попросите отца выслать мне денег. Я очень нуждаюсь, денег на билет домой у меня нет. А на Рождество я могла бы приехать, повидать всех вас, очень скучаю. Мама».

Мама Зои Мария Георгиевна с сыном Колей

В тот же вечер, дождавшись возвращения отца из больницы¹, мы наперебой просили его выслать нашей матери денег. Просили мы горячо, со слезами, но отец резко ответил:

— Не надо было маме уезжать. Я предупреждал, что денег я ей высылать не стану.

Больше приставать к отцу мы не смели. Однако мы решили сами собрать деньги и выслать их маме. Но где их взять? Мы и считать-то деньги еще не умели.

Бегая без присмотра по улицам, мы видели, что в одном месте города принимают кости животных и дают за них какие-то монетки. Тогда мы решили собирать по оврагам и помойным ямам кости и сдавать их. Представленные сами себе нашей нянькой, надеющейся на наше благоразумие, мы стали усердно лазать по канавам, откосам, кустарникам, собирая в мешок объединенные

---

¹ Отец был главврачом и директором больницы в Угличе.

собаками кости животных. Найденные кости мы мыли в лужах, скребли, очищали, сушили, складывали в мешок, затем слабыми ручонками тащили мешок с костями в пункт, где их у нас охотно принимали, давая нам за них какие-то медные монетки.

Но где же нам было прятать денежки? Для этого мы разрезали крышку детского барабана и опускали в щелку монетку за монеткой. Вскоре барабан наш отяжелел и весело позвякивал медью, когда мы с радостью его трясли. Мы собирались наполнить барабан доверху и усердно трудились. Как быть дальше — мы не знали.

Однажды в нашу детскую комнату зашел отец. Случайно взгляд его упал на забытый нами на столе барабан. Отец удивился его тяжести и тому, что внутри барабана звенели монеты.

— Откуда в барабане деньги? — спросил отец.

Мы смущенно молчали. Отец спрашивал каждого из нас поодиночке, но мы твердо договорились не выдавать никому нашей тайны. Отец никогда нас не бил, не наказывал, но тут строго пригрозил ремнем, так как заподозрил, что мы воруем монеты у прислуги. Мы испугались и со слезами открыли ему, что собираем деньги для мамы.

— Где вы берете деньги? — спросил папа.

Всхлипывая, утирая слезы, мы рассказали отцу, как собирали кости, с каким трудом их мыли и тащили в мешке по улицам, чтобы получить монетки для мамы.

Отец молчал, потом ушел к себе в кабинет, и через открытую дверь я видела, что мой папа плакал. Он сидел за столом, обхватив голову руками, а слезы ручьем катились по его щекам. Я стояла у двери, папа подозвал нас и сказал:

— Мои милые, добрые детки! Как вы осрамили меня на весь город! Вас ведь все знают! Скажут: «Это дети директора больницы Бездетнова! И они собирают кости, они сдают их!» Как вы еще не подхватили болезни, беря

ручонками эту грязь? Покажите мне ручки. Бедные замарашки! Видно, что без мамы растут. Больше не собирайте костей. Я вам дам деньги. Вы завтра же пойдете с няней на почту и пошлете матери нужную сумму.

Мы кинулись к отцу на шею и покрыли поцелуями его влажные щеки.

На Рождество мы дождались свою мамочку. Она вошла в дом вся занесенная снегом, замерзшая после езды на извозчике при сильном морозе. Мы кинулись к ней. Но мать строго нас отстранила: «Не подходите, простудитесь: я холодная! Вот согреюсь, напьюсь горячего чаю, тогда и будем обниматься». Какими долгими казались нам эти минуты, пока мама переделалась в теплый халат, согрелась чаем!

Недолгой была наша радость. Промелькнули Святки, и после Крещения мать наша опять уехала учиться.

Мы подрастали, и отец решил нанять учителей для обучения нас начальной грамоте и для подготовки меня с Раей к гимназии.

После разгрома революции 1905 года в нашем провинциальном городе Угличе появилось много молодежи из Москвы, скрывающейся от царской полиции. Отец, захваченный идеями революции, открыл двери дома для беглых студентов. Желая дать кров и заработок молодым людям, он нанял их учителями в наш дом. Один должен был учить Раю и меня грамоте, другой — математике. Но это продолжалось недолго. У отца стали пропадать ценные вещи. Заподозрив в воровстве молодых учителей, отец выгнал их одного за другим и принял новых. Вскоре уважаемый всеми доктор разочаровался в этих «идейных» людях. «Проходимцы, — ругал их отец, — приглядятся к дому и обворовывают: опять часы со стены пропали!»

Но время шло, нас надо было учить, и отец решил отвезти Раю и меня в Москву, определить в Институт благородных девиц, называемый Елизаветинским.

Мы поехали и были допущены на приемные экзамены. Я ехала неохотно, не хотелось мне уезжать из дома и расставаться с отцом, которого я очень любила. Поэтому на экзаменах я сознательно молчала или отвечала так плохо, что получила неудовлетворительные оценки. Раечка держалась бодро, великолепно отвечала и была принята в институт. Отец был огорчен моим поведением, качал головой и говорил мне: «Подвела ты меня, дочка!» А я ликовала, целовала своего дорогого папу и утешала его тем, что остаюсь жить вместе с ним.

Вернувшись в Углич, отец определил меня в гимназию. Но в мои девять лет учение меня не привлекало. Все силы я полагала на то, чтобы выдумать какую-либо шалость, чем-то напроказить. Уроков я не учила, на двойки и колы не реагировала. Жаловаться на меня было некому. Учителя знали, что матери с нами нет, а отец занят в больнице.

Так прошел год. Наконец весной, когда детей отпускают на каникулы, отец пошел на родительское собрание за моим табелем. Он вернулся мрачнее тучи.

— Доченька, — сказал он мне грустно, — я сгорал от стыда за тебя. Ведь ты самая плохая ученица, по всем предметам у тебя двойки! И ведешь ты себя в гимназии так, что все учителя от тебя в ужасе. Почему так? Я знаю, я виноват, я мало тебя вижу, а мамы с вами нет... Но что же нам делать? Как ты огорчила меня! Я не ждал этого от любимой дочки.

По лицу отца текли слезы. Я кинулась к папе на шею, обнимала его, целовала, обещала исправиться:

— Папочка! Я не буду больше шалить, я буду хорошо учиться, прости меня!

— Где тебе теперь хорошо учиться? Ты себя зарекомендовала как лентяйка и озорница. Это моя-то дочь!

— Нет, я исправлюсь! Увидишь, папа, на одни пятерки буду учиться, буду стараться что есть силы! — обещала я.

Поездка в Саров (лето 1915 года)

Отец не верил и грустно качал головой.

— Папочка, поверь, ты меня не узнаешь! — не уни-
малась я.

— Ну, посмотрим, — ответил отец.

Гимназия

Со второго года обучения я стала первой ученицей, имела «пять» по всем предметам. Память у меня была отличная, и устные уроки, прослушав в классе, я уже не учила. Я много читала дома и в пятнадцать лет прочла «Братьев Карамазовых». Образ Алеши поразила меня. Я решила, что найду такого Алешу в жизни. Великий инквизитор меня потрясал, и я верила, что так будет.

Я поняла, что свобода не во внешней жизни, а в душе, и уже не интересовалась героями-революционерами, которыми восхищался отец: Гершуни, Фигнер, Засулич, Желябов для меня были безумными и преступниками. А вот старец Зосима... Найти такого стало моей мечтой. Вот у кого надо спросить о жизненном пути!

Закон Божий в гимназии преподавал отец Николай. Это был добрейший учитель. Он часто со мной беседовал, давал мне читать Иоанна Златоуста. Но в четырнадцать-пятнадцать лет по силам ли такое чтение? Ходил он в темно-зеленой рясе, золотой крест украшал грудь. Его каштановые локоны так шли к его ласковым голубым глазам. Он стал для меня примером кротости и всепрощения. (В 30-е годы я узнала, что он сослан в Сибирь и там спасается.)

В классе я была любимицей и очень этим была довольна, старалась всем двоечницам помогать и «вытаскивать» к ответу. Я дружила с лучшими ученицами, но больше всех мне нравились «особенные», я их искала, старалась узнать, чем живет их душа. Вот Шура — высокая белокурая девочка. Она точно светится вся. Еще бы!

Гимназия в Угличе, Зоя — вторая слева в верхнем ряду. 1916 год

Ее отец — священник Михаил Зелецкий, из деревни Тимохово, друг отца Иоанна Кронштадтского. (Отец Михаил погиб в лагерях.)

Шура танцует? Да, отец ей сказал, что это можно в пятнадцать-шестнадцать лет. «Всякому овощу свое время». Это не грех. Мы юны и молоды. «Надо духовно дорасти, чтобы самой не хотелось танцевать», — говорил Шуре отец. И я танцую с Шурой падеспань на школьном балу. (Год-два — и Шура умерла чахоткой.)

Все девочки были номинально верующими. Соблюдение постов было, пожалуй, самым главным. Евангелия сам никто не имел и не читал. Мечтали выйти замуж за богатого купца — и выходили в шестнадцать лет. Участь большинства была одна: идти в сельские учительницы и провести жизнь в глуши и тоске, в бедности и одиночестве. Многие хотели бы уехать в Москву или Питер, чтобы учиться дальше, но жизнь там дорогая, а плата за учение — высокая. Да еще и война началась, надвигалась революция.

Я мечтала учиться дальше, но кем быть? И мать, и отец меня поддерживали, отец обещал помогать, платить. Но ведь семья без меня распадется... «Скорее

бы!» — говорил отец. «В Сарове я разрешу вопрос, кем быть», — думала я и просила родителей отпустить меня.

Отец Вениамин Федорович

Мне было шестнадцать лет, когда я решила, что мне необходимо ехать в Саров, побывать у старца и определить свой дальнейший жизненный путь. Через полтора года я должна была кончить гимназию. Отец и особенно мама внушали, что необходимо учиться дальше и получить высшее образование, чтобы быть самостоятельной, ни от кого не зависящей, богатой и душой, и карманом.

Но куда идти учиться? По всем предметам — «пять», я первая ученица в классе, а особого таланта нет. «Специальность — как брак, — говорил папа, — сам выбирай, чтобы потом ни на кого не пенять. Жизненные ошибки даром не проходят».

Отец был доктором, и на эту специальность идти он не советовал: «Мне жаль твоей душевной чистоты: ведь медики все развратники... Да при твоём слабом здоровье и жалостливом сердце ты каждого покойника будешь оплакивать! Добрые дела делать можно везде, надо крепкие нервы иметь, а ты людей жалеешь!..»

Сам отец отдавал людям все свои силы. Он возвращался часто измученный, уставший до предела. В такие дни он просил подать ему к ужину рюмку красного вина. Он говорил детям: «Ох, какая это гадость — спиртной напиток, не употребляйте его никогда. Сколько людей гибнет от пристрастия к спиртному, сколько несчастий и зла в мире от излишнего увлечения винами! Вы, детки, знайте — я не пью вина даже в гостях, никогда! Но сегодня я очень устал, оно необходимо мне как лекарство. Какие тяжелые операции я проводил, сколько страдания было перед моими глазами... Весь день я провел в сильном напряжении, нервы мои натянуты, мне необходимо

уснуть и отдохнуть. Потому я и выпиваю рюмку кагора, вино успокоит меня, даст мне крепкий кратковременный сон. Ведь завтра, чуть свет, я должен быть у своего тяжелобольного оперированного пациента».

Так оправдываясь перед домашними, отец убирал бутылку на место и не притрагивался к ней ни в какие праздники. Среди потомства Вениамина Федоровича никого пьющих не было.

Отец меня очень любил, знал, понимал, поддерживал все хорошие начинания, давая денег на бедных и выполняя мои просьбы кого-либо посетить из бедных или положить в больницу. Я обожала отца, прощая ему все-все его ошибки, заблуждения. Так могут любить только дети — все прощая!

С мамой мы были далеки, но ее самостоятельность (у нее был зубоврачебный кабинет), ее независимость мне нравились. В те годы (начало двадцатого столетия) «свободолюбивые» женщины уже входили в моду. Отец с матерью были в фактическом разводе, но семья еще как-то сохранялась. Связующим звеном были дети. Отец явно тяготился семьей и ждал, когда мы подрастем.

Ждали и революции. Шла Первая мировая война. Надвигались политические события, общество было «за» и «против», и мы, гимназистки, уже судили и редили о происходящих в стране событиях.

В пятнадцать лет я хотела быть убежденной православной христианкой. Это шло вразрез с мировоззрением моих родителей и окружающего меня общества — интеллигенции захолустного города. Тогда, в 1915 году, верующими считались все, но я не помню ни одной семьи, где Евангелие было бы основой жизни. Я была измучена семейными неприятностями, и только в храме соседнего женского монастыря перед иконой преподобного Серафима Саровского находила утешение в моей недетской скорби. Никто так не страдает от ссор родителей, как дети!

«Сдвинуть» меня с Евангелия было уже нельзя. Родители были недовольны моим «увлечением» религиозными вопросами, чтением книг, моей подругой из семьи священника, и каждый из них старался «образумить» меня. Страшно вспоминать антирелигиозные высказывания, которые мне надо было выслушивать и после которых я убегала в церковь, скорее очиститься — исповедаться и причаститься Святых Таин.

— О чем вы плачете? — спрашивал меня батюшка отец Алексей на исповеди.

— Ссорюсь с родными, — отвечала я.

Не могла же я на исповеди жаловаться и рассказывать семейные сцены, возмущавшие всю мою душу. Я не могла разобраться, кто из родителей виноват. В семье не было ни мира, ни любви; нас, детей, не берегли от сцен, брани, слез и скандалов. Сестра воспитывалась в институте, а я и брат (на два года младше меня) не знали в семье покоя.

Когда мне было четырнадцать-пятнадцать лет, отец безжалостно восставал против моего «увлечения христианством». Он боялся за меня — а вдруг я уйду в монастырь, а вдруг сойду с ума. Он умолял не поститься, не ходить на раннюю обедню, больше есть и спать, беречь нервы — и как-то совсем не сознавал, как я страдала от его насмешек над тем, что было для меня свято, и всяких обидных слов. Семья жила зажиточно, и отец давал мне деньги на наряды, на кино, на театр и на бедных. Я не была аскеткой и ходила на спектакли, в кино. Но, возвращаясь домой, всегда с тревогой думала: «Что там делается?»

Мать Мария Георгиевна

Свою маму в эти годы я не любила. Истерзанная семейным разладом, она была очень нервной. Ее отношение к религии было внешнее: она и обряды выполняла, и лампадки зажигала, и заказывала «семейную» икону,

оклады на образа... Ах, как хотелось ей любви отца, какая она бы была семьянинка и хозяйка, как она заботилась бы об отце и о нас!..

С годами она стала болеть, характер ее и поступки граничили с характером душевнобольной и глубоко несчастной женщины. Она была красивой, энергичной и очень дельной; имея зубоврачебный кабинет, хорошо зарабатывала и любила свое дело, но болезнь ее подкашивала.

«Каждая несчастная семья несчастна по-своему», — писал Лев Толстой. А детям тяжелее всего! «И бесы веруют и трепещут» (Иак. 2:19). Мама жила по своей воле, так далеко от религии и Церкви. О, если б было у нее духовное руководство, которое вело бы ее по законам Церкви, тогда бы, возможно, и жизнь ее семьи была бы иной. Бедняжка, она, видно, не знала, что жене нельзя оставлять мужа ни под каким предлогом. «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6). Родители наши, как и все в те годы, были венчаны. Но не читали они Евангелия, не знали, что надо все прощать, бесконечно терпеть и надеяться на милосердие Божие. «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром», — говорит нам Священное Писание (Рим. 12:21). Нельзя бороться криками и скандалами, так как «сатана сатану не изгоняет». А отъезд Марии Георгиевны в Москву дал возможность другой женщине (Вере Дмитриевне) «пожалеть» оставленного доктора Вениамина Федоровича.

Когда мама вернулась в Углич и открыла свой зубоврачебный кабинет, то, казалось, жизнь семьи потекла по старому руслу. Но так только казалось, это была внешняя сторона жизни: роскошная квартира в одиннадцать комнат, прислуга, материальное обеспечение... А любовь родителей друг к другу была потеряна. Дети все чувствовали и сильно страдали, а падшему обществу все казалось нормальным. Когда в город приезжали высокопоставленные лица и дворянские семьи

должны были их приветствовать на пышных приемах, то главврач и директор больницы должен был присутствовать на торжествах со своей законной женой — Марией Георгиевной. Они наряжались и подъезжали вместе в карете, держались вместе. До их личной жизни никому не было дела. Внешне все прекрасно, все «на высшем уровне», ведь Вениамин Федорович имел «личное дворянство». Этим чином он был награжден за свою служебную деятельность.

Монастырь

Наблюдай за непорочным
и смотри на праведного.

(Пс. 36:37)

Я часто ходила в монастырь на всенощную и обедню и приобрела там друзей — монахинь, которые наперебой приглашали меня к себе после обедни «попить чайку» и побеседовать о духовном.

Одна из старших монахинь очень меня любила. Звали ее матушка Еванфия, лет пятидесяти. Она жила в монастыре с семнадцати лет, отказавшись выйти замуж и полюбив более всего Небесного Жениха — Христа.

Наш монастырь на шестьсот человек имел свое хозяйство, поля и луга, скотный двор и огороды. Все работы несли молодые, даром, «по послушанию». «Послушание выше поста и молитвы» — это было правилом монастыря. Молодые монахини жили при старых в одной келье. Матушка прожила так тридцать лет с одной монахиней, как с матерью.

— Не ссорились? — спрашивала я.

— Было, было и недовольство, но надо было учиться смирению, терпению и кротости — это тоже большая наука. Но любящим Бога все ко благу: поплачешь, помолишься, да и бух в ноги: «Простите!» И опять мир.